

«Ты можешь отстраняться от страданий мира, это тебе разрешается и соответствует твоей природе, но, быть может, как раз это отстранение и есть единственное страдание, которого ты мог бы избежать».

Франц Кафка

Ради себя

— Теперь один. Теперь навсегда — так. Любить больше не получится — это ясно. А без любви — чего ради? Да и любить — чего ради? Любить — это всегда быть под прицелом. Ты бросаешь оружие и остаешься, как в дурном сне, голым и бессильным.

Надо суметь существовать в одиночку. Цели определять под себя, планы строить — ради себя. Умеют же так люди! И вот этому надо учить, как самому главному. Чтоб совсем не зависеть от других.

Люди научились обеспечивать себя материальными средствами к существованию. А вот душе вечно надо к кому-то прилепиться и делить свой свет и свои радости с кем-то. Без этого, считается, счастья нет. А с этим? Сколько горя, когда найдешь, к кому прилепиться душой, а тебя предадут и постараются растоптать, как никчемное насекомое? Наверное, иначе между людьми не получается. Раньше получалось, да. А теперь не получается. И пора признать этот факт как данность.

Иван стоял на голове. Обычно эта стойка надежно избавляла от ненужных мыслей. Но мысли о необходимости учиться одиночеству не проходили. Значит, нужные.

Галина Артемьева

— Ладно, так и будет. Один — значит сильный тыл, покой, тишина, мирный труд на свое же благо, — решил Иван.

Он медленно встал на ноги. Вернулся в исходное положение.

Обычный человеческий удел. Рыпашься, рыпашься, стоишь на ушах ради очередной иллюзии, а потом — извольте возвращаться в исходное положение! И оцените его! Этот покой, устойчивость, надежность.

Тогда чего рыпался, спрашивается?

Ладно, чего там. Вся жизнь — рывки, движение, стремления, надежды. Только вот жаль, что потом приходится стоять на голове, чтобы вытрясти из нее прах разбитых надежд.

Иван улыбнулся. Нет, все же голове явно помогло ощутить на себе весь груз тела, которое она возглавляет. Мрачные мысли ушли.

В семь утра он уже вышел из душа и, вполне довольный жизнью, заваривал себе крепкий черный чай с лимоном, как в раннем детстве приучил его прадедка, самый важный человек в его судьбе. И просыпаться рано Иван научился благодаря прадедке.

Эх, был бы он сейчас рядом...

Детка и прадедка

Все детство — от младенчества до позднего отрочества — самым близким и важным человеком для Ивана был его прадед. Прабабушку он почти не помнил, хотя она жила до его четырех лет. Родители, а также дед с бабушкой были людьми молодыми и деятельными. Они любили ребенка, но возвращать, передавать ему свое понимание жизни и опыт собственных раздумий были не приспособлены. Они мчались по жизни галопом, от успеха к успеху, от свершения к свершению, от одного проекта к другому. Ребенком занимался прадед. То есть кормили мальчика, конечно, женщины, они же обстирывали, купали. Это само собой. Но кто помнит в подробностях про кормежку и купание, если только не связано это с каким-то ужасом, страхом и подобным переживанием? Зато рассказы любящего человека врезаются в память навеки. И живешь ты с этими рассказами и переданным тебе опытом с желанием передать его другому человеку, от тебя уже рожденному.

Долгие годы своей трудовой жизни прадедка был врачом-хирургом, настоящим врачом, исцелявшим благодаря глубоким знаниям, редкостному чутью, твердой руке, отличному зрению и решимости бороться за жизнь больного, чего бы это ни стоило. На пенсию он вышел поздно,

Галина Артемьева

но мог бы и еще работать. Однако решил, что надо успеть многое передать Ванечке, чтоб не рос как сорная трава.

Зимой все семейство жило в городе, в одной просторной квартире, а в апреле до октября перебирались на дачу. Работающим членам семьи приходилось в дачный период дольше добираться до работы. Но в семье имелась машина, так что никаких особых трагедий никто не переживал: собирались по утрам и вместе ехали, без пробок, во что сейчас и поверить просто невозможно. А после работы тоже собирались в условленном месте и возвращались. И потом сидели в беседке у клумбы, говорили кто о чем, пили чай из самовара, слушали, как изливает любовное томление соловей или кукует кукушка. Допоздна обычно сидели, до самой темноты, которая спускалась почти в полночь.

До этого времени Ваня никогда не дотягивал. Хотя всегда вызывался сидеть вместе со взрослыми за самоваром, вслушиваясь в их речи. Никто его не прогонял. Он сам засыпал почти сразу, как заканчивался ужин, часов в восемь вечера. Папа относил его в кровать, но этого он совсем не чувствовал и всегда удивлялся, проснувшись: как это — уснул за столом в беседке, а проснулся у себя в детской? И не почувствовал ничего.

А засыпал он так рано не случайно. Ведь летом прадедка будил его в четыре часа — утра. Это прадедка говорил: «Четыре утра». А мама и бабушка ворчали: «В четыре ночи поднимать ребенка!»

Колодезь с черной водой

— Как в Библии сказано? «Ходите, пока есть свет»... Работайте, пока есть свет, особенно свет утренний! Утром все живое просыпается, — отвечал прадедка. Цветы утренние во сколько открываются? В четыре утра! Это самое здоровое время! Календула просыпается в четыре утра, а человек дрыхнет! Потому что сам себя растлевет, сам себе потворствует. С первым светом надо вставать! Иначе самое интересное пропустишь!

Кому же хотелось пропустить самое интересное? Конечно, Ваня вскакивал, быстро умывался, одевался, и шли они с дедом смотреть на настоящую жизнь. Так Ваня и думал долго-долго, что настоящая жизнь — это рассветная прохлада, небо, меняющее свои краски, капельки росы, как драгоценные камушки, на бархатных листочках, на травке. Смотреть можно, а унести нельзя. Ваня пробовал, и не раз. Возьмешь на палец переливающуюся, блестящую капельку, а она растекается, просто вода остается — и все.

— Вот так вся наша жизнь, — посмеивался прадедка, — смотреть можно сколько угодно, а с собой не утащишь. Поэтому самое главное что? Успеть налюбоваться! Надышаться! Наслушаться!

Они вместе слушали, как начинают пробуждаться птицы. Птицы были самые молодцы: они просыпались и тут же принимались радоваться новому утру, пели песенки, дразнились, перекрикивались. Прадедка вел мальчика в лес через огромный колышущийся луг с

Галина Артемьева

нежными, тонко пахнущими цветами на высоких стеблях. Луг казался зеленым морем. За ним виднелось голубеющее небо.

Прадедка останавливался, вдыхал полной грудью, оглядывал окрестности и гордо произносил:

— Вот куда ты попал! Смотри! Запоминай! Мир Божий! Каждый день — счастье! Каждый день твою судьбу решает! Дорожи им! Не трать зря!

Ваня верил прадедке безоговорочно и полностью с ним соглашался. Повсюду было столько всего! На каждом шагу — что-то новое, дивное, непонятное. С прадедушкой он ничего не боялся, но, бывало, думал, что вот тут, в этой чаще, куда они сегодня забрели, он не хотел бы остаться один.

Однажды они шли по лесной тропе, и прадедка сказал вдруг, указав на обычную с виду траву слева от тропки:

— Видишь? Ну-ка, ступни ножкой. Только слегка ступни, осторожнее, я крепко тебя держу.

Иван смело наступил на сочную зеленую травку. И, если бы прадедка не держал его, провалился бы. Из-под травы зловеще проступила черная вода! Страшно стало мальчику.

— Вот оно! Болото! Погибель! Понял? И вся жизнь так: ступнешь, не зная куда, а там — колодезь с черной водой. И выбраться из него не всякий сумеет.

— Что же делать, прадедка? Ведь ходить-то надо! Как быть?

Колодезь с черной водой

— Ходи, всюду ходи! Но — примечай! Учись различать. Есть приметы. По ним определишь. И с людьми так же. Не угадаешь с первого взгляда, что у человека внутри.

Прадедка знал невероятное количество всяких интересных историй. Он рассказывал, а потом они вместе с Ваней подробно обдумывали, что там в истории происходило и почему.

Детство и отрочество прадедка провел в совсем другом, прекрасном и далеком краю, который назывался Подкарпатская Русь.

— Кто такие восточные славяне? — спрашивал прадедка. — Вот тебе все скажут: русские, украинцы и белорусы — это восточнославянские народы. А про русинов не говорят. Будто и нет нас вовсе. И не было. А мы были, есть и будем! У нас и в гимне так поется:

Я Русин был, есмь и буду,
Я родился Русином,
Честный мой род не забуду,
Останусь его сыном.

— Ну давай, подпевай! — повелевал прадедка, и Ваня старался, пел. Он знал, что слова гимна русинов сложил их знаменитый давний предок — Александр Васильевич Духнович, которого народ не забывает по сей день, хоть и был он ровесником Пушкина, давно

Галина Артемьева

жил. И прадедка, и его родители, и их родители тоже были Духновичи.

Подкарпатская Русь прекрасная земля, но судьба у нее тяжкая. То относилась она к Австро-Венгрии, в 1920 году вошла в состав Первой Чехословацкой республики. Когда Гитлер насильственно присоединил в 1938 году Чехословакию к Германии, Подкарпатскую Русь отдали Венгрии, а в 1945 году, после войны, Подкарпатье вошло в состав СССР и стало частью Украины.

Вот такие постоянные смены власти, а значит — и судьбы народной. На Украине никто не хотел считаться с тем, что русины имеют свой язык, культуру и настаивают на собственной национальной самоидентификации. Выдавая им паспорта, насильно записывали в графу национальность «украинец», «украинка». И по сей день мечтают русины о собственной автономии. Сейчас разбросаны они по разным странам: живут в Словакии, в Польше, на Украине, очень большая община русинов имеется в США. Некоторые из них в начале XX века оказались и в России, в поисках лучшей доли.

Родители прадедки, люди образованные и верующие, хотели жить на славянской земле, там, где исповедуют православие. Прадедке было 14 лет, когда смогли они обосноваться в Москве. Тут началась Первая мировая, пошли ужасы и муки революции. Прадедка, закончив гимназию в 1916-м, поступил в университет, изучал медицину, стал врачом. Фамилию свою они изменили на русский лад. Так и стал пра-

Колодезь с черной водой

дедка не Духнович, а Духнов. После революции легко было объяснять значение фамилии: дух нов. Коротко и ясно.

Прадедка говорил, что ему повезло. Он сумел в Москве встретить девушку-русинку! И, конечно, они поженились. На таком везении, правда, все и закончилось. Следующие Духновы женились на русских, но о своих корнях помнили, старались в родных местах бывать. А сколько историй помнил прадедка из подкарпатской жизни! Удивительно! Как любил их слушать Иван! Он и сейчас вспоминает, как наяву слышит, прадедкин голос, начинающий захватывающее повествование....